

УДК 165.8

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мирошкин М. С.*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации**125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать, основываясь на историко-философском анализе, проблему бессознательного отношения человека к собственному телу в символической форме его восприятия как капитала, через отождествление с которым происходит упраздняющий его полноценное существование процесс самоотрицания в идеально сконструированном образе определения им себя как инобытия Другого.

Процедуры и методы. Полученные в ходе данного исследования результаты базируются как на диалектическом, так и герменевтическом методах с использованием сравнительного анализа, что позволило целостно и системно осмыслить сложившиеся в истории философии основополагающие концепции, отражающие восприятие человеком собственного тела в символически амбивалентной форме в качестве фундаментального инструмента капиталистического производства, используемого для различных нужд и связанных с ними иррациональных желаний.

Результаты. По результатам проведенного исследования был сделан вывод о том, что идеализированный образ человеческого тела в форме капитала бессознательно усваивается в качестве основополагающего источника образования, экономически структурированного антагонистическими взаимоотношениями символического самоопределения человека в качестве обезличенной фигуры Другого, через отождествление с которой он отчуждается от самого себя и от своего подлинно полноценного процесса индивидуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Принципиальная ценность проведенного исследования состоит в том, что глубокомысленный анализ бессознательного измерения человеческого тела отражает сложившиеся в неоднозначной символической форме кризисные процессы в экономике, в частности на уровне индивидуального самоопределения человека как личности, в качестве сформированного субъекта коммодификации и связанных с ним последствий имплицитного образования и эксплицитного распространения антагонистических взаимоотношений.

Ключевые слова: археология, архив, бессознательное, биовласть, диспозитив, Другой, инобытие, коммодификация, негативность, отчуждение, симулякр, тело, человек

SYMBOLIC ECONOMY OF THE UNCONSCIOUS DIMENSION OF THE HUMAN BODY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M. Miroshkin*Financial University under the Government of the Russian Federation**prosp. Leningradsky 49, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. Based on historical and philosophical analysis, to analyze the problem of a person's unconscious attitude to his own body in the symbolic form of his perception as capital, through identification with which the process of self-denial, which abolishes his full existence, occurs in an ideally constructed image of defining himself as the otherness of the Other.

Methodology. The results obtained in the course of this study are based on both dialectical and hermeneutic methods, using comparative analysis, which made it possible to holistically and systematically comprehend the fundamental concepts that have been developed in the history of philosophy, reflecting a person's perception of his own body in a symbolically ambivalent form as a fundamental tool of capitalist production, used for various needs and associated irrational desires.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that the idealized image of the human body in the form of capital is unconsciously adopted as a fundamental source of education, economically structured by antagonistic relationships of the symbolic self-determination of a person as an impersonal figure of the Other, through identification with which he is alienated from himself and from his truly complete process of individuation.

Research implications. The fundamental value of the study is that a thoughtful analysis of the unconscious dimension of the human body reflects the crisis processes in the economy that have developed in an ambiguous symbolic form, in particular at the level of individual self-determination of a person as a personality, as a formed subject of commodification and the associated consequences of implicit education and explicit the spread of antagonistic relationships.

Keywords: archeology, archive, unconscious, biopower, dispositive, the Other, otherness, commodification, negativity, alienation, simulacrum, body, human

Введение

Происходящие в период с XIX – начала XX вв. различные трансформации в различных областях экономической жизнедеятельности человека обусловили необратимо происходящие процессы радикального изменения его отношения к самому себе, что, в свою очередь, эксплицитно проявляется в переосмыслении в ценностном плане предназначения со стороны восприятия им своего собственного тела, которое постепенно стало предметом пристального внимания со стороны капиталистически развивающегося общества и связанных с ним всевозможных практик индивидуального самоопределения и самообеспечения. Размываемая симметричность чётких границ определения человеком своей целостной автономии многообразными капиталистическими формами самореализации предполагает процесс бессознательно деконструированной соотнесённости его с самим собой как с инобытием Другого, в многослойно символических образах которого отображается теневая сторона неопределённо сконструированных им желаний быть тождественным во времени самому себе и одновременно отсроченным по отношению к самому себе, тем самым амбивалентно выстраивая свою неаутен-

тичную индивидуацию. Таким образом, сконструированный в капиталистических практиках самоопределения субъект коммодификации уже не является полноценным символом воплощения человечности в результате отрицания им своей первозданной телесной организации посредством интериоризации в отношениях с самим собой и с другими – не оживотворённого образа самоидентификации в форме капитала, через который воплощается неодушевлённое измерение Другого, дискурсивная конструкция которого обращает любого, желающего с ним отождествиться, в лишённое единства расщеплённое целое, предполагающее забвение и распад. Поэтому, как утверждал в своей «Феноменологии духа» (1807 г.) великий немецкий философ Г. В. Ф. Гегель, «первоначальное бытие», олицетворяющее собою «тело есть единство необразованного бытия и образованного бытия и действительность индивида, проникнутая для-себя-бытием», в капиталистических практиках достижения которого человек достигает своего амбивалентного самоопределения как инобытия Другого [5, с. 166].

Бессознательное измерение человеческого тела в диалектической концепции Г. В. Ф. Гегеля

Исторически осмысляемое в рационалистическом ключе идеалистическое учение Гегеля исконно по своей традиционной интерпретации изыскивает истину в форме тождественного самому себе абсолютного разума. Однако неклассическое осмысление философского наследия великого немецкого мыслителя качественно отличается от канонического самим фактом его диалектичности, благодаря которой оно апеллирует не только к разуму, но и к бессознательному измерению человеческого тела. Диалектический процесс как таковой ориентируется на *действительное* воплощение разума, которое может быть осуществлено не иначе как через человеческое тело и обусловленные им потребности, которые образуют уникальную опору для его феноменологически последовательного развёртывания в неопределённо стихийной всеобщности универсума. Вместе с тем, именно разум, сконцентрированный в субстанциональной форме осмысляющего себя сознания человека, является инобытием его телесной организации, через которую происходит полноценный процесс осуществления *самосознания*, олицетворяющего собою, согласно Гегелю, «различение неразличенного», которое возникает в качестве явления негативности, или неопределённости, в соответствии с которой тело противоречиво проявляет себя амбивалентным образом в качестве опосредованно не рефлексированной фигуры, которая получает отрицательное к себе отношение [5, с. 91]. Но поскольку гегелевская негативность получает своё полноценное завершение в абсолютно непротиворечивой форме идеального понятия, то «это значит, что самосознание есть вообще *вожделение*», проявляющее себя эксплицитно через тело, которое полноценно в это понятие не вписывается и им не исчерпывается, будучи временным формообразованием, обладающее собственным символически бессознательным

языком, которое не соответствует идеально сконструированной в тождественном плане модели самоопределения человека в форме для-себя-бытия как возвращающегося к самому себе инобытию [5, с. 94]. Не рефлексированное измерение человеческого тела в качестве несущей опоры бессознательного каркаса, по которому проходят сознательные импульсы мышления, оформляют его в соответствии с не уживчивой в нём идеализированной конструкцией в форме «я», через которое происходит детерминированный процесс идентификации человека как личности. Особенностью диалектической сущности негативности является то, что возникновение бессознательного измерения обусловлено антагонистическим взаимодействием самосознания человека и его тела в символической форме *для-себя-бытия* и *в-себе-бытием* и, как следствие, негармоничной упорядоченностью отношений человека с самим собой и с другими. Иными словами, негативная конструкция гегелевского самосознания олицетворяет собой ни с чем несоизмеримое измерение, через рефлексированный процесс которого всё обращается в своё инобытие, поскольку, как утверждает сам Гегель, «единство его самого в его инобытии», с которым оно нетождественным образом соизмеряется в качестве непрерывно *вожделеющего* становления [5, с. 98].

Поскольку экономическая сфера жизнедеятельности человека в её капиталистической форме исторически развёртывается сквозь призму гегелевской метафизики – отношениями господства и рабства, то именно такие отношения и образуются исконно через противоборство сознания человека с собственным телом, между которыми не происходит установления единства в форме тождества бытия и мышления. Собственное тело человека оказывается в бессознательно отчуждённом состоянии, из которого в неопределённой форме символического измерения оно осмысляется им в качестве производственной единицы, запечатлённой в образе репрессированного бессловесного

двойника, переживания которого не тождественны идеализированному процессу самоопределения в непротиворечивой форме становления абсолютного духа, негативно организованного в сознании конкретного человека в качестве капитала. Неспособный признать самого себя через своё собственное самосознание человек, в свою очередь, не способен укрепиться в собственном теле не иначе как посредством другого самосознания его в нём либо признающего, либо отрицающего. Таким образом, антагонистический уклад человеческих взаимоотношений характеризуется обесценивающими связями в универсальной форме символического противоборства, олицетворяющего собою гегелевское отрицание отрицания, которое как основополагающий принцип цикличного движения и развития несоразмерных друг с другом противоречий лежит в основании капиталистической экономики как таковой. Не признанное исходя из собственного самосознания тело начинает вести депривированное существование, будучи негативной по отношению к нему субстанцией, собственная непосредственность которой становится опосредованной чужеродными для неё символическими отношениями, ставящими её в подчинённое от них положение. Не случайно, согласно Гегелю, символом удовлетворённого самосознания является его поглощённость другим самосознанием, за счёт которого оно способно господствующим образом самоопределяться как для-себя-бытие, которое, будучи просветом негативности, ни с чем кроме самого себя не соотносится и ни на что кроме самого себя не ориентируется, посредством приращения и укрепления своей всеобъемлюще властвующей над всем силы в форме капитала. Поэтому тело человека как в-себе-бытие оказывается в рабской покорности перед для-себя-бытием, поскольку оно его собою символически детерминирует, закрепляя в форме понятия, которое при необходимости может быть переосмыслено или и вовсе упразднено. Но поскольку абсолютным господином, по мысли Гегеля, может

быть только смерть, то устремлённый к абсолютизации для-себя-бытия человек отождествляется с нею в процессе самоотрицания, обуславливающего низведение в-себе-бытия, как своего собственного тела до разменной вещи, которой при необходимости можно пренебречь в результате её обесценивания в глазах другого. Поэтому для-себя-бытие, по мысли Гегеля, есть «движение абсолютной абстракции, состоящее в том, чтобы искоренить всякое непосредственное бытие и быть лишь чисто негативным бытием равного себе самому сознания», для которого «не *бытие*, не то, как оно *непосредственно* выступает, не его погружённость в простор жизни есть сущность, а то, что в нём не имеется ничего, что не было бы для него исчезающим моментом» [5, с. 101, 102].

Изменяющееся во времени тело человека иллюстрирует его временную сущность через интеграцию в исчезающий момент как мгновение, которое определяется Гегелем в качестве *вне-себя-бытия*, заключающего в себе «голое становление, чистое в-себе-бытие» [6, с. 53]. Неподвластное времени для-себя-бытие отражает его в себе как понятие, несоразмерное в силу своей безграничной отрицательности телу, которое, будучи неотъемлемой частью самого человека, являет собою его инобытие в символически зашифрованной форме, олицетворяя тем самым бессознательное усвоение оживотворённого первоначала через отчуждённое к нему отношение. Тем самым сущность бессознательного измерения определяется, согласно Гегелю, тем фактом, что природа как таковая изначально «есть лишь идея в себе», а тело символически является её «замёрзшим интеллектом», который через отрицание отрицания в форме своего инобытия воплощается в качестве капитала и проявляет себя в образе замкнутой в себе неживой субстанции, не способной полноценно интегрироваться в стихию оживотворённого универсума [6, с. 26]. Поэтому в отличие от человеческой субъективности, как утверждает сам Гегель, «животная субъективность заключается именно в том,

что в своей телесности и в своём соприкосновении с внешним миром она сохраняет сама себя, остаётся как всеобщее при самой себе» [6, с. 461]. Через определение себя в качестве капитала человек стремится достичь посредством самоотрицания абсолютного тождества своего идеально сконструированного «я», ценность которого определяется степенью интенсивности заключённой в нём негативной силы, реализованной господствующим образом в символической форме общепризнанного вне времени понятия, знаменующего собой отчуждённый от природы процесс становления амбивалентной субъективности. Таким образом, отождествлённое для-себя-бытие с телом как с капиталом, ценность которого зависит от признания другого самосознания, образует порочный замкнутый круг движения к обретению собственной полноценной самооценности, которое имплицитно оказывается в процессе анонимного обесценивания, и тем самым символизирует диссоциативное состояние, в которое впадает человек, не способный полноценным образом признать и принять себя в своём собственном теле. Именно в этом состоянии проявляется, согласно Гегелю, феномен «несчастливого самосознания», при котором собственное тело человека является негативно воспринимаемой им вещью, находящейся в зависимости от образного представления другого самосознания и оцениваемое с его стороны как полноценное или неполноценное, и поэтому остающееся в неаутентичном состоянии через бессознательно проявляемые для своего хозяина желания.

**Символическое измерение
человеческого тела
в психоаналитической концепции
Ж. Лакана**

Анализируя в своих знаменитых «Семинарах» с позиций структурного психоанализа проблемы человека, именитый французский психиатр и философ Ж. Лакан предпринял попытку глубинного переосмысления его отношений к соб-

ственной соматически организованной опоре, которая стала символически раздробленным основанием отчуждающей функции утилитарного аппарата капиталистического рабства, сконцентрированного и поддерживаемого в форме образованной идеальной инстанции, именуемой «Я» или «Эго». По мысли Лакана, мир человека состоит из онтологически детерминирующих его существование структур Реального, Воображаемого и Символического. Сфера человеческого тела – это и есть топологическая область Реального, состоящая из аутентично сконцентрированных в нём хаотичным образом желаний. Целостность самоидентификации – это Воображаемая сфера, которая обретается человеком в детстве («Стадия зеркала») через усвоенного им в зеркальном отражении образа, с которым он в своих переживаниях пытается отождествиться, но который в силу своей искусственности является сублимированным аналогом его первозданно телесного основания. Человеческое «Я», по мысли Лакана, является не чем иным как симптоматическим образованием, исходя из которого субъект выстраивает антагонистические отношения с собственным телом, возвышаясь через формирование господствующего над ним положения. Сфера Символического – это универсальная область искривлённых смысловых значений, исходящих из неоднозначных отношений между людьми в рамках их языковой действительности, внутри которой образуется идеологически ограничивающее их пространство Другого, где происходит кристаллизация его репрезентаций, а вместе с ними и интериоризация имплицитного насилия над телом каждого связанного с ним субъекта.

Воображаемая связь человека с миром не позволяет ему полностью признать собственное отражение тела в зеркале его временности, поэтому оно включается целиком и полностью в символический порядок экономики, основанный на капиталистически оформленном приращении утилитарных с ним отношений в форме коммодификации, обуславливая таким

образом неоднозначное в различных образах его усвоение, тем самым обрекая его в конечном итоге на фрагментированное запечатление, не соотносимое с реальностью как таковой. Отождествлённый с утилитарным образом капитала человек изначально формирует из него фундаментальный защитный механизм, который обеспечивает ему подконтрольную связь с собственным телом опосредованно через диалектически сформированное признание со стороны Другого, в символическом пространстве которого он самоопределяется в качестве отчуждённого от самого себя субъекта. Символический образ неопределённого Другого образует диалектические отношения, поскольку через них каждый по-своему добивается признания, вступая таким образом в противоборство за сохранение и обеспечение незыблемости идеализированной целостности собственного «я», принося ему в жертву своего безмолвного телесного двойника. Иными словами, ни к чему не сводимый интегративный механизм в форме идеализированной конструкции человеческого это является символической апорией неудовлетворённости своим временным в теле существованием. Поэтому, как утверждает сам Лакан, «судьба Я, по самой природе его, состоит в том, чтобы всегда оказываться перед лицом собственного отражения, лишаящего его владения всем тем, чего он стремится достичь» [8, с. 379], а значит «образ господина, который видит человек в форме зрительного образа, сливается у него с образом смерти» [7, с. 195].

Редуцированный в образе капитала человек отчуждается в нём как в Другом, которому он не в состоянии полноценно соответствовать, но который он приумножает посредством попыток распознавания в нём как в кривом зеркале очертаний воплощения своего раздробленного желания быть признанным в качестве самодовлеющей идеализированной инстанции своего собственного неуживчивого в теле «я». Вовлечённый во взаимоотношения с Другим и ими поглощённый человек больше не принадлежит самому себе как

узнаваемой через своё тело самости, а является унифицированной производной от символически интроецированного дискурса бессознательного влечения к смерти, запечатлённого в фантазмах одержимости ожесточённой борьбой за капитализацию регрессивной идентичности, образующей по мысли Лакана «параноидальную структуру» дезинтегрированного функционирования всеобщих человеческих взаимоотношений [8, с. 512]. Поэтому символическое измерение экономических взаимоотношений, основанных на их капиталистическом формировании, соотносится Лаканом с терроризирующей структурой открытого З. Фрейдом – Эдипова комплекса, травматически упраздняющего непосредственную связь человека с собственным телом через его восприятие в качестве отчуждённого не символизируемого остатка, безмолвно прорывающегося агрессивным образом в форме просвета Реального. Таким образом, параноидальный механизм капиталистических взаимоотношений приводит, по утверждению Лакана, к тому, что «тело как раздробленное, ищущее себя желание, и тело как идеал себя взаимопроецируются и предстают для субъекта как раздробленное тело, в то время как другого он видит в качестве совершенного тела» [7, с. 194]. Иными словами, как дополняет мысль Лакана Ж. Ипполит, её уточняя, «два тела взаимопроецируются друг на друга в том смысле, что разом субъект видит себя как статую и в то же время расчленяется, проецирует расчленение на статую, и так – в бесконечной диалектике», растворяющегося в отчаянных поисках самого себя, человека [7, с. 194].

Археологическое измерение человеческого тела в концепции М. Фуко

Исследуя имманентную человеку структуру синхронического измерения языка, французский философ, теоретик культуры и историк М. Фуко обосновывал его археологическую природу в качестве основания исторически накопленных в рассеянной

форме неупорядоченных отношений разрыва между телом и словами его обозначающими и выражающими через эволюцию экономических практик дисциплинарного над ним контроля. Ограниченность человека обусловлена структурирующим механизмом функционирования языка, который продуцирует образование калейдоскопа символических напластований, исходя из которых происходит образование анонимного авторства в форме универсального контроля над телом, которое оказывается инструментом гетеротопического пространства экономической рефлексии, олицетворяющей собою то, что Фуко называл **биовластью**. Особенности образования биовласти имеют диффузный характер её дифференциального распространения и связываются Фуко с его концепцией «смерти человека», которая символически олицетворяет собою период начала становления картезианского дуализма, обуславливающего процесс опосредованного господства над телом в форме трансцендентального единства феноменологически сфабрикованных интенций инертно функционирующего посредством сомнения субъекта. Констатация умерщвления образа человека выражается в рамках дискурсивной формации его экономической экспликации в форме капитала, который обуславливает способы дискретного во времени самоопределения и обусловленного им существования, ускоряющего неминуемое забвение бликами рассеянных гарантий обретения целостной идентичности.

Экономическая рефлексия тела становится инвариантной формой отношения человека к самому себе как к анаморфическому предмету, доступному только в понимании складывающихся вокруг него образов, символически объективированных в подконтрольном для него механизме сексуального влечения, позволяющего проникнуть в сердцевину не локализуемого желания не иначе, как в форме капитала, который возможно не только эксплуатировать, но и приумножать. Подотчётное человеку в форме капитала тело является

дистанцированным для него знаком фрустрированного измерения, в которое он интегрирован не как его собственник, а как страждущий его освобождения надсмотрщик, пытающийся приобщиться к нему посредством обеспечения практики тотального над ним контроля через технологию аккумуляции символически узаконенной дисциплинарной власти, бессознательно функционирующей как механизм микрофизики власти. По утверждению известного российского философа и исследователя творчества М. Фуко В. Подороги, «микрофизика власти, сфокусированная на теле, всегда в глубине производственных структур, она интенсифицирует пределы и степени капиталистической эксплуатации, так как, вводя жёсткие хотя и «невидимые» технологии послушания, не позволяет отдельному индивиду или группе ставить под сомнение или отвергать формальные свободы капиталистического предпринимательства» [9, с. 294]. Генеалогия капиталистической власти образует телесный диспозитив, в котором кристаллизуются все регламентирующие его функциональность дискурсы и обусловленные ими практики, которые в своей совокупности определяют структуру общественной организации в виде дисциплинарного механизма экономического регулирования всевозможных проявлений человеческих эмоций, чувств и желаний. Образование исторически изменчивых форм экономической самоактуализации человека предполагает и изменчивость его телесных регламентаций, детерминированных архивом символически сконцентрированных в нем дискурсивно фрагментированных событий, что отражает возможность полноценного существования человека не иначе, как памятника, открытого самому себе, как отмечает Фуко, в форме самозабвенного мгновения «в прерывистом безвременье» собственного тела [10, с. 300].

Неуравновешенное взаимопроникновение дискурсивных формаций экономических практик человека изобличает неупорядоченный ритм обладания им собственным телом, формализация которого

определяется символическими рубежами его восприятия как капитала, воспроизводимого и эксплуатируемого во времени в форме вневременного Другого, в отражении которого всякая «субъективация предполагает бесконечную объективацию себя собою – бесконечную потому, что её нельзя достичь раз и навсегда и, следовательно, у неё нет предела во времени», – утверждает Фуко [11, с. 247–248]. Микрофизическое измерение капиталистической власти пронизывающее безмолвные части тела, локализуется в нём анонимным для него образом в форме расширения карательных извне установок, ориентированных на экспроприацию суверенной принадлежности человека самому себе через его коммодификацию, образованной в опосредованных переживаниях им инертного дрейфа символически парализованных копий собственного отражения в зеркале искривлённого дискурсами времени, конституирующего появление Другого в облике смерти. Иллюстрация тела как зеркального Другого обуславливает образование отчуждённых с ним отношений в форме разрыва между множеством несоответствующих ему во времени двойников, указывающих на несоразмерность отражения и того, что отражается, заставляя человека уравнивать невидимое с видимым, тем самым увековечить временное во вневременном, обретая гарантию идентичности в символе капитала, который отделяет живое от мёртвого, повторяя первое во втором, приумножая его. Символически капитал представляет умерщвлённый образ тела, который в неисчислимых повторениях приумножения самого себя отчуждает человека от самого себя, низводя его самоценность к уценённым бликам чаемой вечности находящегося в лабиринтообразной недостижимости Другого. Поэтому, как утверждает Фуко, «*homo oeconomicus* – это не тот человек, который представляет себе свои собственные потребности и предметы, способные их удовлетворить; это именно тот, кто проводит, использует и теряет свою жизнь, чтобы избежать непосредственной угрозы смерти», в опос-

редованной форме обретения себя как капитала отсроченных удовольствий, используемых в качестве нормирующей инстанции власти над самим собой и другими [12, с. 338]. Вместе с тем именно в археологическом измерении существования человека усматривает Фуко его полноту как в единстве с собственным телом, поскольку в нём как во сне составляют свою неразрывную самозабвенную и вневременную полноценность всевозможные желания, где центр авторской субъективности занимают нетождественные по отношению к друг другу и к самим себе события бессознательной пластичности патетических сил, сконцентрированных в диффузном средоточии всевозможным форм исторических дискурсов, а не в символической воле к власти. Таким образом, археологический субъект Фуко – это человек, живущий в соответствии с внутренним зовом суверенного бытия собственного тела, находящегося в автономном измерении производных от него желаний, не зависящих от Другого, в которых неповторимым образом концентрируется и раскрывается в рассеянной форме уникальное пространство сновидной длительности.

Симулированное тело в концепции Ж. Бодрийяра

Искривлённое зеркало соматической аутентичности человека приобретает центральное значение в философских идеях мыслителя постмодернистского толка Ж. Бодрийяра, который предпринял рефлексивную попытку переоценки культурно-экономических слоёв различных областей человеческой жизнедеятельности с последующим выявлением причин сложившихся форм единого гуманитарного кризиса. Особый интерес к социально-экономическим практикам человеческой жизнедеятельности связан у Бодрийяра с представлением о том, что собственное и чужое человеческое тело стало восприниматься полноценным или неполноценным в зависимости от степени его использования в качестве капитала, который приобретает

ценность только тогда, когда олицетворяет собой в символической форме культивированный в своей недоступности избыток нереализованного множества бессознательно сконцентрированных в нём искусственно образованных желаний. Капитал становится универсальным кодифицированным образцом для конструирования собственного тела человека, в зеркале которого оно моделируется в неаутентичной для него форме, исходя из которой он отчуждается от самого себя в попытках нивелировать все имеющиеся у себя изъяны посредством производства знаково-символических отношений, вступая в которые каждый сам себя автоматизирует в качестве фрустрированного субъекта коммодификации для того, чтобы, как скажет Бодрийяр, «довольствоваться (или хотя бы стремиться к этому) *безобидной природностью знаков*» [4, с. 84]. Становление соматической экономики как единственно возможного и необходимого условия обеспечения и приращения множества сконцентрированных в человеке удовольствий обуславливает, по мысли Бодрийяра, процесс восприятия им собственного тела как капиталистически организованного резервуара, в котором интегрированы амбивалентным образом всевозможные желания. Тело, будучи частной собственностью, вступает в процесс капиталистических отношений, образуя амбивалентное измерение, в котором оно, с одной стороны, выступает в качестве инструмента инвестирования, а с другой – в качестве воспроизведения себя в форме потребительной стоимости. Капиталистически эмансипированное тело имплицитно становится центростремительным кодом коммодификации, в котором системно выстраивается его репрезентация в качестве предмета роскоши, который всевозможными усилиями необходимо приобрести и в нём себя увековечить. Тело как сумптуарный предмет, которому человек должен соответствовать, становится по Бодрийяру идеалом, символизирующим патетический достаток, объективированный в эквивалентно потребляемых им ве-

щах, вводящего его в фасцинацинирующее состояние, при котором он воспринимает себя как Другого, которому невозможно соответствовать. Тело как актив, который обесценивается во времени, олицетворяет собой механизм необратимого процесса протекания изменений, в нём происходящих, которые искусственным образом отражаются в ценностных установках человека редуцировать его временно обусловленное состояние в форму капитала, таким образом сделав из него отсроченный символ возможностей, в совокупности образующих идеологически обожевлённую надстройку, благодаря которой «между осуществлением желания и меновой стоимостью существует не противоречие, а, напротив, полное соответствие», – утверждает Бодрийяр [1, с. 344].

Озабоченный собственным телом человек ориентирован на его монополизацию с целью учреждения в нём гедонистической нормы рентабельности, при которой извлекаемая им прибыль в попытках эффективно интегрироваться в себя как в Другого была бы неисчерпаемым инструментом приращения престижного наслаждения, доступного только ему самому. Приспособленное к образу капитала тело проходит процесс сакрализации, при котором его самоценность определяется вложенными в него ресурсами для обеспечения статично неизменной во времени формы, отталкиваясь от которой, человек обеспечивает необходимую степень интенсивности своей экспоненциально приращённой производительности. Административно выстроенное в соответствии с образом Другого собственное тело человека поглощается его зазеркальным измерением, с которым он сам не соизмеряется, но в которое он репрессированными для себя способами интегрируется в качестве инструмента накопления, символизирующего симулированное самосохранение. Кодифицированное по аналогии с капиталом тело переживается человеком в деконструированном для него ритме собственного существования, которое оборачивается для него катастрофическими

формами самоотрицания, каждая из которых является обновлённым шагом на пути к возведённому в культ идеалу Другого, интериоризация которого эксплицитно развёрнута в хронически фрустрированном процессе безвременного самоопределения. Поэтому глубинный смысл отождествления человеком себя через своё собственное тело с капиталом состоит в том, что он, как утверждает Бодрийяр, «пытается отменить смерть путём накопления – да только само время накопления как раз и есть время смерти» [3, с. 264]. Капитал как симулированное тело, которому человек приносит в жертву целостность своей подлинной соматической организации, захватывает и поглощает его своими знаками, символизирующими гипостазированное единство их отсроченного во времени инобытия в форме обезличенного Другого, в центробежном измерении которого оказывается каждый взыскующий его привилегированного признания – не принадлежащий самому себе субъект. Тело как ресурс, который должен быть трансформирован в капитал, способный приносить доход для обеспечения его выживания, свидетельствует о первозданно изобилующих способах своего самосохранения, которые символически демонстрируют стратегию всеобъемлющего процесса его организации как производственной системы знаков, в совокупности кодифицирующих потребность человека самоопределяться в различных формах гедонистического потлача, позволяющего полноценно обеспечить право собственности на отчуждённое наслаждение самим собой. Соматическая сфера как сфера демонстрируемой свободы оказывается в зависимости от её унифицированной способности синхронно воплощать всевозможные желания, тем самым иметь универсальную возможность применения бессознательного измерения в качестве производительной силы удовольствия в форме престижно растрчиваемого времени, которое и является символическим олицетворением человеческого тела как капитала. Поэтому, как отмечает Бодрийяр, «окупившееся в качестве ин-

струмента наслаждения и показателя престижа тело оказывается тогда объектом *работы инвестирования* (заботы, одержимости), каковая вопреки мифу освобождения, которым хотят её прикрыть, представляет собой, конечно, деятельность более глубоко отчуждённую, чем эксплуатация тела в качестве рабочей силы» [2, с. 170–171].

Заключение

В заключение, подводя итоги данного исследования, следует отметить, что капиталистическая идеология является структурно преобразующим телесное измерение человека основанием, определяясь через которое он вступает в противоречивые отношения с собственным телом и тем самым с самим собой, утрачивая через его обесценивание свою аутентично сакральную принадлежность к оживотворённому единству универсальной целостности бытия как такового. Имплицитная специфика телесной коммодификации проявляется в результате переживания человеком самого себя в предметной плоскости производственной деятельности капиталистических практик, основанных на прогрессирующем разложении структуры человеческой субъективности посредством её бессознательно фрагментированной интериоризации в форме всеобъемлюще идеализированного образа Другого, символически предполагающего хроническую неопределённость способов полноценного самоопределения, каждый из которых оборачивается конституированием инобытия, отождествляясь с которым человек раскрывает себя через повторяющийся опыт фрустрированного самоотрицания. Таким образом, капиталистический императив склоняет человека к регрессивной самоактуализации, в результате которой происходит его редукция к трансцендентной фигуре, интериоризация которой происходит через различные акты восприятия им собственного тела как Другого, с которым не представляется возможности полноценного единения. Механизмом функциони-

рования образа тела как Другого служит экспликация бессознательного измерения сконцентрированных в нём деконструированных желаний тем или иным способом символически репрезентировать и нивелировать своё неизменно временное существование посредством капиталистически обеспеченной самоидентификации, утвердить которую пытается отчаянным образом замкнутый на потребительском самовыражении субъект. Таким образом, тело как основание преданности по отношению к самому себе становится неконтролируемым симулякром, в котором человек в силу его обесценивания не способен обрести полноценной опоры в процессе собственной уникально неповторимой индивидуации.

Особым образом данная проблема отражена в диалектической концепции Гегеля, в которой тело предстаёт первоначально неопределённым источником самоопределения человека, в процессе функционирования которого он, создавая системный мир тождественно неизменных понятий, символически выстраивает свою индивидуацию через преодоление противоречивых отношений с самим собой и с другими в попытках достигнуть аб-

солютизированной идентичности в образе тотально властвующего над всем господина. В психоаналитической концепции Ж. Лакана тело является результатом символической самоидентификации человека в бессознательном пространстве сконцентрированных в измерении языковой действительности – образов его собственных желаний, в процессе интериоризации которых он неполноценным образом самоопределяется в течение всего времени своего существования как Другой для самого себя. В археологической концепции М. Фуко тело предстаёт в качестве исторически детерминированного образования дискурсивных практик, обусловленных имманентной им экспликацией анонимной организации нормативной тотальности всепроникающей биовласти. В постмодернистской концепции Ж. Бодрийяра тело человека предстаёт в качестве явления симулированной комбинации гипостазированных симулякров, образованных в капиталистически сформированном пространстве экономических отношений и обусловленных ими практик.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. Д. Ю. Кралечкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. 352 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция: Республика, 2006. 269 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. С. Н. Зенкипа. 5-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2015. 392 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. С. Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. 3-е изд. СПб.: Наука, 2015. 443 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 695 с.
7. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)) / пер. М. Титовой, А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2019. 432 с.
8. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)) / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2009. 520 с.
9. Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. М.: Канон +, 2021. 384 с.
10. Фуко М. Археология знания / пер. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. 3-е изд., стер. СПб.: Гуманитарная Академия, 2020. 416 с.
11. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти / пер. С. Гашкова. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 416 с.
12. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

REFERENCES

1. Baudrillard J. Our une critique de leconomie politique du signe (Rus. ed.: Kralechkin D. Yu., transl. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 352 p.).
2. Baudrillard J. La societe de consommation. Ses mythes, ses structures (Rus. ed.: Samarskaya E. A., transl. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya Publ.; Respublika Publ., 2006. 269 p.).
3. Baudrillard J. L'echange symbolique et la mort (Rus. ed.: Zenkip S. H., transl. *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Moscow, Dobrosvet Publ.; KDU Publ., 2015. 392 p.).
4. Baudrillard J. Le systeme des objets (Rus. ed.: Zenkip S. H., transl. *Sistema veshchej*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 256 p.).
5. Hegel G. W. F. System Der Wissenschaft. Erter Theil. Die Phaenomenologie des Giestes (Rus. ed.: Shpet G., transl. *Sistema nauk. Chast' pervaya. Fenomenologiya duha*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015. 443 p.).
6. Hegel G. W. F. Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse (Rus. ed.: Sitkovsky E. P., ed. *Enciklopediya filosofskih nauk. T. 2. Filosofiya prirody*. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 695 p.).
7. Lacan J. Le seminaire. Les ecrits techniques de Freud. Livre 1. 1953–1954 (Rus. ed.: Titova M., Chernoglazov A., transl. *Raboty Frejda po tekhnike psihoanaliza (Seminar, Kniga I (1953/54))*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2019. 432 p.).
8. Lacan J. Le seminaire le moi dans la nheorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Livre 2 (Rus. ed.: Chernoglazov A., transl. *“YA” v teorii Frejda i v tekhnike psihoanaliza (Seminar, Kniga II (1954/55))*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2009. 520 p.).
9. Podoroga V. A. *M. Fuko: arheologiya sovremennosti* [Foucault: Archeology of Modernity]. Moscow, Kanon + Publ., 2021. 384 p.
10. Foucault M. L'Archeologie du savor (Rus. ed.: Rakova M. B., Serebryannikova A. Yu., transl. *Arheologiya znaniya*. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2020. 416 p.).
11. Foucault M. *Historie de la Sexualite 4* (Rus. ed.: Gashkov S., transl. *Istoriya seksual'nosti 4. Priznaniya ploti*. Moscow, Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh” Publ., 2021. 416 p.).
12. Foucault M. Les Mots et les Choses (Rus. ed.: Vizgin V. P., Avtonomova N. S., transl. *Slova i veshchi: Arheologiya gumanitarnyh nauk*. Moscow, Progress Publ., 1977. 488 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошкин Михаил Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Miroshkin – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мирошкин М. С. Символическая экономика бессознательного измерения человеческого тела: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 23–34.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34

FOR CITATION

Miroshkin M. S. Symbolic Economy of the Unconscious Dimension of the Human Body: Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 23–34.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34